

Правительство Республики Карелия
Комитет финно-угроведов Российской Федерации
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Петрозаводский государственный университет
Петрозаводская государственная консерватория им. А. К. Глазунова

ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ РОССИИ

Материалы

V Всероссийской конференции финно-угроведов

Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.

Петрозаводск
2014

УДК 811.511.1(063)+39(=511.1)

ББК 81.2

Ф60

Редколлегия:

Н. Г. Зайцева (ответств. редактор), И. И. Муллонен (ответств. редактор),
И. Ю. Винокурова, А. Ю. Жуков, О. П. Илюха, С. И. Кочкуркина,
Е. И. Маркова, Е. Г. Соини, З. И. Строгальщикова

Ф60 **Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России.** Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. / Редкол.: Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен и др. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. 382 с.

ISBN 978-5-9274-0639-5

Представленный сборник статей включает в себя публикацию краткого содержания докладов и сообщений, подготовленных к V Всероссийской конференции финно-угроведов (Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г.), в которых в рамках центральной темы конференции «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» рассматриваются актуальные вопросы финно-угорского языкознания, фольклористики, литературоведения, музыкальной культуры, этнической истории и современных этносоциальных процессов.

УДК 811.511.1(063)+39(=511.1)

ББК 81.2

*Публикация сборника осуществляется при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-04-14004г.),
Ассоциации финно-угорских народов России
и Программы стратегического развития ПетрГУ (проект FENNICA)*

ISBN 978-5-9274-0639-5

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2014

© Коллектив авторов, 2014

© Карельский научный центр РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Секция 1. Ареальные исследования финно-угорских языков. Ономастика	8
<i>Быкова Е. А., Муллонен И. И.</i> Качитативные модели островной топонимии Карелии	8
<i>Гайдамашко Р. В.</i> Метеорологическая лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Прикамья: к проблеме идентификации возможных источников	10
<i>Зайков П. М.</i> Дистрибуция и фонологический статус /s/ и /š/ в диалектах карельского языка.	11
<i>Зайцева Н. Г.</i> Лингвистическая география как основа ареальных исследований (на материале вепского языка)	13
<i>Захарова Е. В.</i> Качитативные топоосновы субстратного прибалтийско-финского происхождения в Восточном Обонежье	17
<i>Зорина Л. Ю.</i> Вепско-русское прошлое Куштозера (на материале говора Вытегорского района Вологодской области)	19
<i>Карлова О. Л.</i> Карельская антропонимия нехристианского происхождения (на материале Писцовой книги Водской пятины 1500 года)	22
<i>Крюков А. В.</i> Что стоит за этнонимом «ижоры»?	25
<i>Кузьмин Д. В.</i> Карелоязычная географическая лексика как источник по истории заселения Карелии	28
<i>Макарова А. А.</i> Человек социальный в топонимии Белозерья	31
<i>Максимов В. Н.</i> Морфологические особенности петъяльского подговора волжского говора марийского языка	34
<i>Михайлова Л. П.</i> Финно-угорские элементы в русской диалектной лексике	38
<i>Муллонен И. И.</i> Формирование диалектной карты карельского языка	41
<i>Муслимов М. З.</i> К вопросу о водском субстрате в финских говорах Западной Ингерманландии	44
<i>Новак И. П.</i> Фонетические маркеры тверских диалектов карельского языка	47
<i>Пустяков А. Л.</i> Топонимия луговых и восточных мари: сравнительный анализ	49
<i>Родионова А. П.</i> Маркеры диалектной речи карелов-людиков	52
<i>Соболев А. И.</i> Топонимические и лексические кальки в южном Обонежье как свидетельство финно-славянского языкового и межэтнического взаимодействия	54
Секция 2. Лексико-семантические исследования	61
<i>Бакула В. Б.</i> Этнолингвистический потенциал лексики декоративно-прикладного искусства	61
<i>Бойко Т. П.</i> Проблемы развития лексических тезаурусов младописьменных языков Карелии и отражение их в словарях (на примере ливвиковского наречия карельского языка)	64
<i>Жукова О. Ю.</i> Глагольные пары как одна из особенностей, маркирующих языковой стиль вепских причитаний	69
<i>Кашкин Е. В.</i> Семантическое поле фактуры поверхностей в уральских языках (к лексической типологии)	71
<i>Колтакова Н. Н., Муковская Л. Ю.</i> «Необычные» числа во фразеологических выражениях (на материале венгерского и эстонского языков)	75
<i>Малинина С. А.</i> Термины, связанные с названиями марийских головных уборов	78
<i>Насибуллина М. Р., Насибуллин Р. Ш.</i> Первая фиксация названий экзотических растений в удмуртских письменных источниках	81
<i>Ракин А. Н.</i> Названия атмосферных явлений как компонент метеорологической лексики коми языка	88
<i>Сивонен А. Т.</i> Деепричастия в калтасинском диалекте восточного наречия марийского языка	91
<i>Соколова М. В.</i> Национально-культурная специфика анималистических фразеологизмов финского языка	93
<i>Соловар В. Н.</i> Семантика оценки и средства ее выражения в хантыйском языке	95
<i>Фомин Э. В.</i> Семантизация абсолютных агнонимов чувашского языка на основе финно-угорского материала	99
Секция 3. Грамматика, история языка и языковые контакты	102
<i>Каксин А. Д.</i> Сравнительные конструкции в хантыйском языке: инвентарь, типология, признаки	102
<i>Кельмаков В. К.</i> Преобразование словоизменяющих суффиксов в деривационные (на материале удмуртского языка)	104

<i>Кузнецов Н. В.</i> Некоторые периферийные пространственные значения внутриместных падежей коми языка	107
<i>Матросова Л. С.</i> Взаимодействие грамматических категорий в современном марийском языке	110
<i>Молданова И. М.</i> Средства выражения начинательности глагольного действия в хантыйском языке (на материале казымского диалекта)	112
<i>Поляков О. Е.</i> Национальные издания на мордовских языках и инновационные технологии	115
<i>Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б.</i> Динамика морфологии водского языка с начала XX века	118
<i>Сергеев О. А.</i> Марийский язык в переписках Г. В. Лейбница	121
<i>Ухов С. В.</i> Сепаратные иранские заимствования в марийском и пермских языках	125
Секция 4. Финно-угорская фольклористика: проблемы и перспективы исследования	129
<i>Андуганова М. Ю.</i> Типология финно-угорских сакральных текстов	129
<i>Глухова Н. Н.</i> Системы символов песен финно-угров Урало-Поволжья	131
<i>Иванова Л. И.</i> Контекстуальная область употребления производных от термина <i>лемби</i> лексем в карельской культуре	134
<i>Котко104ва А. В.</i> «Калевала» и «Дорвыжы»: к вопросу преподавания эпических жанров в школе	138
<i>Кузнецова В. П.</i> Духовные стихи у карелов	142
<i>Кундозерова М. В.</i> Сотворение и обустройство мироздания в карельских рунах	144
<i>Латина М. А.</i> Наказания в фольклоре хантов	146
<i>Лимеров П. Ф.</i> Топонимический мотив в легендах о Стефане Пермском	150
<i>Мальцева Н. А.</i> Отражение мировосприятия коми-пермяков в детском фольклоре	155
<i>Марковская Е. В.</i> Звуковая коллекция вепсского фольклора фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН	159
<i>Миронова В. П.</i> Карельские беседы и беседные песни	161
<i>Рахимова Э. Г.</i> Водоплавающие птицы в словесной изобразительности карело-финских рун и причитаний	164
<i>Чувьуров А. А.</i> Христианские сюжеты в коми легендах о сотворении мира	168
<i>Шостина Н. А.</i> Антология традиционного фольклора народов Прикамья	171
Секция 5. Литература финно-угорских народов в контексте словесности Европейского Севера	173
<i>Арекеева С. Т.</i> Типология героев в удмуртской драматургии 1920-1930-х годов	173
<i>Беляева Т. Н.</i> Поэтика символических образов в драматургии В. Абукаева-Эмгака (гендерный аспект)	175
<i>Горина Н. В.</i> Маленькая драма Г. Юшкова «Вир тшыкӧдысь» («Портящий кровь»): конфликт и характеры	178
<i>Ельцова Е. В.</i> Образы и мотивы финской поэзии в творчестве коми писателя В. Т. Чисталева	181
<i>Кудрявцева Р. А.</i> Этнические ценности в художественной структуре марийского рассказа	184
<i>Кузнецова Т. Л.</i> Малые формы коми прозы конца XX–XXI в.: особенности художественного развития	186
<i>Лимерова В. А.</i> Литературное зырянноведение М. И. Михайлова	189
<i>Пантелеева В. Г.</i> «Человек в городе» и «Город в человеке»: дискурс текстов на тему «Город – деревня» в удмуртской литературе XX в.	192
<i>Пекишева М. В.</i> Характер, внешность и колдовские чары финнов в «Саламандре» В. Ф. Одоевского	194
<i>Сойни Е. Г.</i> Финские неоромантики и русские символисты: сравнительно-типологический аспект	197
<i>Якименко О. А.</i> Венгерская антиутопия: от Бабича к Парти Надю	200
Секция 6. Традиционная культура финно-угорских народов: история и современность	205
<i>Литвин Ю. В.</i> Этнические особенности самовосприятия образа карельской женщины (по результатам опроса жительниц Карелии)	205
<i>Новак И. П.</i> Образцы речи как источник информации о жизни тверской карельской семьи конца XIX – начала XX в.	207
<i>Поттот Р. М.</i> Образ дома в личных песнях казымских хантов	209
<i>Ушаков Н. В.</i> Методика полевого исследования культурного наследия финно-угорских народов в сельских культурных учреждениях (на примере Вепсского центра в поселении Винницы Ленинградской области)	212
<i>Червошная С. М.</i> Эстонское искусство в послевоенной политической эмиграции в международном, отечественном и финно-угроведческом контексте	214
<i>Черных А. В.</i> Современные этнокультурные процессы у финно-угорских народов Пермского края	217
<i>Ямурзина Л. В.</i> Традиционный родильный комплекс мари в современных условиях	219

Понятно: инновационным технологиям принадлежит будущее. И очень надеюсь, что лозунг: «Мордовия – регион инновационных технологий» носил и будет носить реальный смысл.

Литература

Современные проблемы мордовских языков // Труды МНИИЯЛИЭ при Совете Министров РМ. Вып. 105. Саранск, 1991. С. 69–74.

Рожанский Федор Иванович,
Институт языкознания РАН,
г. Москва,

Маркус Елена Борисовна
Тартуский университет,
г. Тарту, Эстония

ДИНАМИКА МОРФОЛОГИИ ВОДСКОГО ЯЗЫКА С НАЧАЛА XX ВЕКА¹

1. Цели, данные и методы

В статье рассматриваются изменения, произошедшие в морфологической системе водского языка – почти вымершего прибалтийско-финского языка, количество носителей которого меньше 10 человек, а их средний возраст превышает 80 лет. Современные носители западноводского диалекта представляют два говора: говор деревни Краколье (Jõgõregä) и говор деревни Лужицы (Luuditsa). В настоящей статье языковые данные, которые были собраны авторами в процессе полевой работы в 2001–2013 годах, сопоставляются с существующими источниками материала по водскому языку, относящимися к первой половине XX века. В первую очередь это грамматика [Tsvetkov, 2008] и словарь [Tsvetkov, 1995], отражающие кракольский говор 1920-х годов, и грамматика [Ariste, 1968], представляющая данные 1940-х годов. В последней рассматриваются в основном данные архаичного центральноводского диалекта, но также приводится и материал кракольского говора.

2. Именная система

2.1. Изменения в эссивной серии падежей

Большинство несинтаксических падежей водского языка укладывается в симметричную схему из трех серий (внутриместной, внешнеместной и эссивной), каждая из которых состоит из трех падежей, различающихся направлением.

Таблица 1. Система падежных серий

Локализация	Направление		
	Куда	Где	Откуда
Внутриместная (находиться в)	Иллатив	Инессив	Элатив
Внешнеместная (находиться на/у)	Аллатив	Адессив	Аблатив
Эссивная (находиться в состоянии)	Транслатив	Эссив	Эксессив

В современном водском эксессив полностью исчез (его рудименты обнаруживаются только в лексикализованных формах *kotont* ‘из дому’ и *takkant* ‘сзади (откуда)’). Уже в работах [Ariste, 1960, с. 149] и [Ariste, 1968, с. 32] отмечается, что использование эксессива ограничено. Тем не менее, Аристе приводит такие формы как *traktoristinD* ‘из трактористов’ и *soldatinD* ‘из солдат’, которые в современном языке уже отсутствуют (соответствующее значение теперь выражается при помощи элатива)².

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 12-04-00168а.

² В грамматике [Tsvetkov, 2008] эксессив не рассматривается, что не позволяет уверенно датировать исчезновение этого падежа в западных водских говорах.

Употребление эссива в современном водском языке ограничено. Он не является полностью продуктивным падежом, и практически не существует контекстов, где эссив не мог бы быть заменен на номинатив или транслатив: *minu bratko ėli sĕtamehen* (ESS) / *minu bratko ėli sĕtameZ* (NOM) 'мой брат был солдатом'; *tāmā nĕV minu najžen* (ESS) / *tāmā nĕV minu najžessi* (TRANS) 'Она станет моей женой'.

Полностью живым падежом из эссивной серии остается только транслатив.

2.2. Слияние аллатива и адессива

В лужицком водском адессив и аллатив слились в одну форму с показателем *-ллĕ/-ллЕ*, в то время как в кракольском говоре различие этих падежей сохранилось (у аллатива показатель *-лĕ/-лЕ*, а у адессива *-лл/-лл*). Слияние этих падежей наблюдается и в других прибалтийско-финских идиомах, например, в собственно карельском [Макаров, 1966, с. 79; Зайков, 1999, с. 12, 44–45] и, по всей видимости, в некоторых нижнелужских говорах ижорского. Такое слияние, вероятно, было инициировано фонетическими изменениями, а именно редукцией конечного гласного. Редукция проходила в лужицком и кракольском говорах по-разному [Маркус, Рожанский, 2011, с. 44–46]. Полное отпадение гласного в кракольском говоре предотвратило совпадение показателей аллатива и адессива.

2.3. Ограниченное использование абессива

В грамматике [Ariste, 1968, с. 33] приводится целый ряд абессивных форм, например, *ilmā leivättä* 'без хлеба.ABESS'. Грамматика [Tsvetkov, 2008, с. 12] указывает абессив в числе водских падежей и дает примеры для большинства типов существительных. Однако в современном языке абессивные формы у имен не зафиксированы, а соответствующее значение выражается предложной конструкцией с партитивом имени, например, *ilmĕ tūtĕ* 'без работы.PART'. Единственная форма, допускающая в современном водском присоединение абессивного показателя, – это супин: *tšün-te-me-ttĕ* (пахать-SUP-ABESS) 'невспаханный', *sū-me-ttĕ* (есть-SUP-ABESS) 'неевший'.

2.4. Синкретизм синтаксических падежей и иллатива

Некоторые парадигматические классы водских имен демонстрируют синкретизм, проявляющийся в омонимии двух или более форм из парадигмы существительного. Примеры синкретизма можно найти уже в грамматике [Ariste, 1968] (специальный анализ синкретизма представлен в [Grünthal, 2007, с. 13–16]). Однако в современном водском стало еще больше случаев совпадения форм (в частности, синкретизм затронул номинатив), и вся система приобрела новый облик (см. Таблицу 2, где сравниваются примеры из [Ariste, 1968] и современного лужицкого говора (Луж))¹.

Таблица 2. Синкретизм в водских именах

Перевод	слово		сено		дом		зуб	
	Аристе	Луж.	Аристе	Луж.	Аристе	Луж.	Аристе	Луж.
NOM	<i>sĕna</i>	<i>sĕna</i>	<i>einā</i>	<i>einĕ</i>	<i>talo</i>	<i>тало</i>	<i>ammaZ</i>	<i>ammĕZ</i>
GEN	<i>senā</i>	<i>sĕna</i>	<i>einā</i>	<i>einā</i>	<i>talō</i>	<i>тало</i>	<i>ampā</i>	<i>ampa</i>
PART	<i>senā</i>	<i>senna</i>	<i>einā</i>	<i>einā</i>	<i>taloa</i>	<i>таллоа</i>	<i>ammassa</i>	<i>ammessĕ</i>
ILL	<i>senā(sĕ)</i>	<i>senna</i>	<i>einā(sĕ)</i>	<i>einā</i>	<i>talō(sĕ)</i>	<i>талло</i>	<i>ampāsĕ</i>	<i>ampa</i>

Распространение и перераспределение синкретических форм является результатом как внутриязыковых процессов, так и контактного влияния. Потеря долготы у гласных непервых слогов привела к совпадению номинатива и генитива у слов с CVCV структурой [Rozhanskiy, 2013]. Контактующий с водским ижорский язык способствовал распространению форм краткого иллатива, в результате чего во многих парадигматических классах произошло совпадение партитива и илла-

¹ Мы проводим сопоставление современных примеров с примерами из грамматики [Ariste, 1968], а не из работ [Tsvetkov, 1995, 2008], поскольку система записи долгот гласных в грамматике и словаре Д. Цветкова крайне непоследовательна и противоречива. Однако и сопоставление данных Д. Цветкова с современными водскими говорами свидетельствует об увеличении синкретизма в именных парадигмах.

тива. С другой стороны, заимствование вторичных геминат как признака партитивных форм у слов со структурой CVCV привело к расхождению ранее идентичных форм генитива и партитива.

3. Глагольная система

3.1. Императив 3 лица

Изменения, затронувшие систему глагольных категорий и категориальных значений, практически отсутствуют¹. Единственным исключением является форма отрицательного императива 3 лица мн. числа, которая была вытеснена аналитической конструкцией. Исконная форма мн. числа на *-koD/-goD* уже не опознается носителями языка как грамматически правильная, то есть вместо формы *elkoD miikoD* 'NEG.IMP.3PL продавать.IMP.3PL' используется синонимичная конструкция *la hü eväD mi* 'пусть они не продают'.

3.2. Вторичные геминаты в глагольных формах

В некоторых глагольных формах западноводского диалекта наблюдаются вторичные геминаты, отсутствовавшие в центральноводском диалекте, ср. *tšüssüä* 'спрашивать.INF' в [Tsvetkov, 1995, с. 358] и современном водском с *tšüssüä* в [Ariste, 1968, с. 86]. За XX век произошло распространение форм с геминацией (ср. с примерами в разделе 2.4). Если ранее кракольские формы инфинитива допускали геминацию только взрывных и *s*, то сейчас встречаются вторичные геминаты и других согласных. Такие формы варьируют с формами без геминации: *aja* ~ *ajja* 'гнать.INF', *elä* ~ *ellä* 'жить.INF'. Появление этих форм в кракольском говоре объясняется контактами с носителями ижорского языка, хотя не следует исключать и возможность опосредованного заимствования через соседний лужицкий говор, в котором влияние ижорского было сильнее и формы с геминацией любых согласных существовали уже в начале XX века.

3.3. Показатели кондиционалиса

В современном водском наряду с показателями кондиционалиса *-jzi* и *-jsejzi* также используются показатели с формативом *ja/jä*: *-jajsejzi/-jäjsejzi*, например, *eläjajsejzin* 'жить.COND.1SG', *tšüssüjäjsejzin* 'спрашивать.COND.1SG' (кракольский говор). В грамматике [Ariste, 1968, с. 73] для кондиционалиса указываются показатели *-isi/-izi/-issi/-isejzi/-iseizi*. В [Tsvetkov, 2008] указан только показатель *-jzi*, хотя в словаре [Tsvetkov, 1995] также встречается вариант *-isejzi/-iseizi*. Появление формата *ja/jä* в современных показателях кондиционалиса, вероятно, объясняется влиянием ижорского языка. В ижорском некоторые классы глаголов используют показатель *-jaiži/-jäiži*, например *magajaižin* 'спать.COND.1SG' [Лаанест, 1978, с. 278]. Впрочем, в водском употребление показателей *-jajsejzi/-jäjsejzi* не ограничивается теми глаголами, у которых есть аналогичные показатели в ижорском.

3.4. Показатель активного причастия

Показатель активного причастия прошедшего времени, являющийся одним из наиболее вариативных в прибалтийско-финских языках Ингерманландии, в водском имеет варианты, отличающиеся наличием или отсутствием конечного согласного: $(n)nuD/(n)nüD \sim (n)nu/(n)nü$. В современном водском языке это варьирование имеет диалектную природу: носители кракольского говора предпочитают вариант с конечным согласным, а носители лужицкого говора – без него. Такое распределение является инновацией. В грамматике [Ariste, 1968, с. 78, 82–83], окончание *-D* всегда выполняет в причастиях роль показателя мн. числа: *en sännu* 'NEG.1SG получать.PRTACT', но *emmä sännüD* 'NEG.1PL получать.PRTACT.PL'. В словаре [Tsvetkov, 1995] формы причастия приводятся только с показателем $(n)nu/(n)nü$, окончание *-D* никогда не указывается. В грамматике [Tsvetkov, 2008] у форм отрицательного имперфекта показатель *nnu/nnü* (*miä en laillonni* 'NEG.1SG петь.PRTACT', *miä emt laillonni* 'NEG.1PL петь.PRTACT'), а у форм перфекта и плюсквамперфекта (как положительных, так и отрицательных) – *nnuD/nnüD* (*miä en laillonnuD* '1SG быть.1SG петь.PRTACT', *miä elin*

¹ Естественно, мы не рассматриваем те расхождения между нашим описанием и предшествующими грамматиками, которые касаются состава аналитических форм и являются результатом различного подхода к интерпретации языковых данных.

лаилоппиD '1SG быть.IMP.F.1SG петь.PRTACT', *miä en ė* лаилоппиD '1SG NEG.1SG быть.CNG петь.PRTACT').

4. Выводы

Проведенный анализ показывает, что изменения, произошедшие в водской морфологии за последние десятилетия, затрагивают и именную, и глагольную систему (хотя в последнем случае они носят более локальный характер). Однако все эти изменения не привели к кардинальной перестройке грамматики, как это можно было бы ожидать от языка, находящегося на последнем этапе своего существования. Скорее, следует говорить о частных изменениях, свойственных любому языку в его живом состоянии (конечно, при условии, что язык не находится в состоянии искусственной консервации, которая может возникать в результате жестко поддерживаемого литературного стандарта). В подавляющем большинстве случаев отмеченные изменения являются либо последствиями изменений в фонетике/фонологии, либо результатом контактных влияний других языков (прежде всего ижорского). С точки зрения происходящих в нем процессов, водский язык не отличается принципиально от родственных идиомов (так, например, синкретизм падежных форм вообще типичен для южной ветви прибалтийско-финских языков, см. [Grünthal, 2007, 2010]). И поэтому нет никаких причин считать, что современный водский язык является «испорченным», «упрощенным» или не таким «чистым», как раньше.

Список сокращений

ABESS – абессив, GEN – генитив, COND – кондиционалис, ESS – эссив, ILL – иллатив, IMP – императив, IMPF – имперфект, INF – инфинитив, NEG – отрицательный глагол, NOM – номинатив, PART – партитив, PL – множественное число, PRTACT – активное причастие, SG – единственное число, SUP – супин, TRANS – транслатив, 1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо.

Литература

- Зайков П. М. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск: Периодика. 1999.
- Лаанест А. Историческая фонетика и морфология ижорского языка. Дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук, Таллин. 1978.
- Макаров Г. Н. Карельский язык // Языки народов СССР, том 3. Москва, 1966. С. 61–80.
- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Том II. Грамматический очерк и библиография. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2011.
- Ariste P. Ekstsessiivist läänemere keeltes // Emakeele seltsi aastaraamat VI. Tallinn: Eesti riiklik kirjastus, 1960. S. 145–161.
- Ariste P. A grammar of the Votic language. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton & Co, 1968.
- Grünthal R. Morphological change and the influence of language contacts in Estonian // Beiträge zur Morphologie. Germanisch, baltisch, ostseefinnisch. Odense, 2007. S. 403–432.
- Grünthal R. Sijasynkretismi morfoloogia koetinkivenä // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics 2, 2010. S. 91–113.
- Rozhanskiy F. Vowel length as a distinctive feature of Votic case forms // Nordic Prosody. Proceedings of the XIth Conference, Tartu, 2012. Asu, Eva Liina; Lippus, Pärtel (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013. S. 313–322.
- Tsvetkov D. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. J. Laakso (toim.). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1995.
- Tsvetkov D. Vadja keele grammatika (Esimein vad'd'a tšeele gramaatik, 1922). Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2008.

Сергеев Олег Арсентьевич

*Марийский НИИ языка, литературы и истории,
г. Йошкар-Ола*

МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК В ПЕРЕПИСКАХ Г. В. ЛЕЙБНИЦА

Марийский язык, как один из финно-угорских языков, стал предметом пристального внимания исследователей в конце XVII столетия. Одним из ученых, проявившим интерес к марийскому язы-